

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

**Значение Воскресения Христова
для нашей нравственной жизни:
размышления по поводу приближающегося
праздника Св. Пасхи**

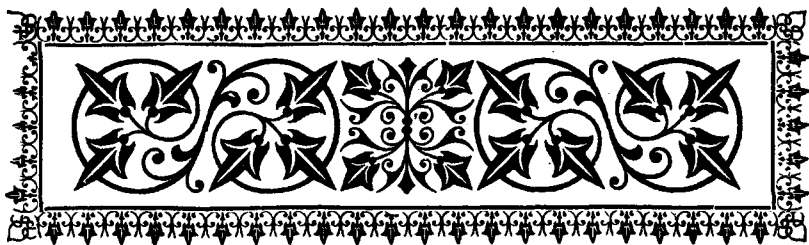
*Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 4. С. 523-550.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

~~~~~  
Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 1 марта 1900 года.  
Экстраординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи  
Александръ Попухинъ.  
~~~~~


Значеніе Воскресенія Христова

ДЛЯ НАШЕЙ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Размышленія по поводу приближающагося праздника Св. Пасхи).

КАЖДЫЙ праздникъ христіанскій напоминаетъ намъ о тѣхъ или иныхъ событіяхъ изъ жизни Спасителя или Божіей Матери, или свв. апостоловъ, свв. угодниковъ Божіихъ и проч., вообще изъ жизни Божіей церкви и отсюда вызываетъ въ насъ такія или другія мысли, наводитъ насъ на извѣстные размышленія. Вспоминая исторію установленія того или иного праздника, въ ея характерныхъ чертахъ живо передаваемую церковными пѣснопѣніями и вообще церковною службою, мы ео ipso, если можно такъ выразиться, подогрѣваемъ свое религіозное чувство, подновляемъ свои церковно-историческія и другія, вообще богословскія въ широкомъ смыслѣ слова познанія, воспламеняемся ревностью къ подвигамъ святыхъ и проч. Вообще ни одинъ христіанскій праздникъ, если только мы относимся къ нему сколько-нибудь желательнымъ образомъ, не проходитъ и не можетъ проходить для нашего внутренняго святилища безслѣдно, но всегда оставляетъ въ насъ нѣкоторый благодѣтельный плюсъ, хотя сколько-либо содѣйствующій умноженію и росту нашего духовнаго богатства. А подобное обстоятельство весьма важно, безконечно цѣнно. Этой важности и этой цѣнности не видятъ, потому что не хотятъ видѣть, только тѣ, кто въ праздникахъ усматриваетъ лишь дни праздности, ничегонедѣланія и проч.

Но «праздниковъ праздникомъ» и «торжествомъ торжествъ» въ христіанской церкви является, какъ извѣстно, праздникъ Св. Пасхи, когда воспоминается славное Христово воскресеніе изъ мертвыхъ, предварявшееся Его страданіями и мученіемъ. Св. Пасха празднуется съ особенною, всѣмъ извѣстною, торжественностію. Никогда, въ теченіи года не бываютъ такъ торжественно-радостно настроены христіане, какъ въ данный именно праздникъ, никогда имъ не хочется такъ прощать другъ другу, какъ именно теперь, никогда они не чувствуютъ себя столь близкими, столь родными одинъ другому, какъ именно въ дни Св. Пасхи... Гдѣ лежитъ причина этого? Почему не видимъ того же въ другіе христіанскіе праздники? Почему выдѣляется изъ ряда всѣхъ остальныхъ именно данный праздникъ? Почему, — другими словами сказать, — воскресеніе Христово признается въ христіанской церкви наиболѣе центральнымъ моментомъ, самымъ важнымъ по своему значенію во всей исторіи совершеннаго Богочеловѣкомъ дѣла искупленія человѣчества отъ слѣдствій прародительскаго грѣха? Всѣ эти и подобные имъ вопросы невольно приходятъ въ голову каждый разъ при наступленіи праздника Св. Пасхи. Правда, каждому христіанину, сколько-нибудь вдумывавшемуся въ смыслъ христіанства, конечно, извѣстенъ и отвѣтъ на нихъ, по крайней мѣрѣ, въ общей формѣ. Весьма многіе, разумѣется, вдумывались и вдумываются въ дѣло и въ отношеніи ко всѣмъ его частностямъ и подробностямъ... Однакожъ, новая попытка поразмыслить о данныхъ вопросахъ и желаніе подѣлиться размышленіями съ читателями не будутъ излишни, хотя бы въ этихъ размышленіяхъ не оказалось и рѣшительно ничего новаго, ничего такого, что уже не было бы, и даже не разъ, сказано другими. Вѣдь мы ежегодно слышимъ въ храмѣ неподражаемая по своей прелести пасхальныя пѣснопѣнія, и, однакожъ, каждый разъ мы отыскиваемъ въ нихъ все новыя красоты. Во второй..., въ десятый..., въ сороковой... разы мы слушаемъ ихъ съ не меньшимъ, если не съ большимъ, интересомъ, чѣмъ съ какимъ слушали ихъ и въ первый разъ. Этотъ интересъ никогда не ослабѣваетъ, а скорѣе — даже растетъ параллельно тому, какъ мы съ теченіемъ времени все глубже и глубже начинаемъ уразумѣвать внутренній смыслъ Христова воскресенія. Отсюда намъ кажется, что никогда не будетъ ненужною бесѣда о значеніи послѣдняго, никогда она не будетъ тягостною для читателей;

не смотря даже на всѣ ея несовершенства, — подобно тому, какъ намъ никогда не бываетъ скучно, а всегда, напротивъ, пріятно вести съ кѣмъ-либо бесѣды о нашихъ общихъ друзьяхъ, о нашихъ общихъ родныхъ..., о лицахъ, одинаково намъ безконечно-дорогихъ, хотя бы эти бесѣды повторялись чуть не ежедневно и велись безъ всякаго искусства...

И такъ, мы спрашиваемъ: *какое значеніе для нравственной жизни человека-христіанина имѣетъ фактъ Христова воскресенія изъ мертвыхъ*, воспоминаемаго церковію особенно въ праздникъ Св. Пасхи?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, рассмотримъ, какъ обстояло и обстоитъ дѣло нравственной человѣческой жизни внѣ Христовой церкви и внутри ея? Какая здѣсь налицо разница и о чемъ она можетъ говорить и дѣйствительно свидѣлствовать?

I. Является человѣкъ въ міръ. Съ теченіемъ времени онъ начинаетъ жить сознательною жизнію. Какой вопросъ всего болѣе неотвязчиво предъ нимъ встаетъ и неотступно требуетъ рѣшенія? Это — вопросъ: *какъ ему — человѣку — надлежитъ жить?* — Жить ли ему, какъ придется, по влеченію коренящихся въ немъ и заявляющихъ о себѣ инстинктовъ, всякаго рода влеченій — случайныхъ и минутныхъ, или иначе? Обуздывать ли ему себя, свои грубыя, себялюбивыя влеченія, ограничивать ли ихъ, искоренять ли, или, наоборотъ, предоставить имъ полный просторъ? Ими ли руководствоваться во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ кому бы то ни было: какъ къ себѣ самому, такъ къ ближнимъ, къ неразумному міру и (если имѣемъ дѣло не съ полнѣйшимъ атеистомъ) даже къ Богу или къ богамъ (если предъ нами — политеистъ), — или началами совсѣмъ иного рода? Эгоизмъ ли только имѣетъ права на свое существованіе, или вмѣстѣ съ тѣмъ и альтруизмъ? Или первый долженъ быть всецѣло подавляемъ и можетъ заявлять о себѣ только лишь послѣдній?... Повторяемъ: всякій разумный человѣкъ, живущій сознательно, прежде всего и главнымъ образомъ долженъ разобраться во всѣхъ такого рода вопросахъ, такъ какъ лишь послѣ всего этого разумною, цѣлесообразною будетъ и его жизнь, а не чѣмъ то случайнымъ, безформеннымъ, полнымъ однѣхъ непредвидѣнныхъ неожиданностей. А тотъ, кому подобные вопросы непонятны, кто ими нисколько не

интересуется, кто не пытается сколько-нибудь освѣтить ихъ, ничѣмъ не отличается отъ неразумнаго животнаго и даже — хуже послѣдняго, такъ какъ, въ отличіе отъ этого, онъ имѣетъ разумъ, данный ему для того, чтобъ вести разумный образъ жизни, и, однако, не пользуется этимъ своимъ преимуществомъ...

Какъ же человеку надлежитъ жить?

II. Естественный умъ издавна пытался и понынѣ пытаются дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мыслители всѣхъ временъ такъ или иначе, но непременно касались вопросовъ нравственной жизни. Ихъ рѣшали и Гомеръ съ Гезіодомъ, и извѣстные семь мудрецовъ, и Эврипидъ съ Аристофаномъ и проч., и Пифагоръ, Демокритъ и Гераклидъ «темный», и Сократъ съ софистами, и Платонъ съ Аристотелемъ, и эпикурейцы со скептиками, и особенно греко-римскіе стоики (преимущественно Сенека, Эпиктетъ и Маркъ Аврелій), эклектикъ Цицеронъ и др., циники, неопифагорейцы съ неоплатониками и выразители іудеоалександринизма..., затѣмъ арабскіе философы и другіе средневѣковые; а съ наступленіемъ новыхъ временъ — безчисленная плеяда мыслителей, изъ которыхъ особенно выдвигаются — Кантъ съ его школой, Фихте, Якоби, Шеллингъ, Гегель, Гербартъ, Лотце, Бенеке..., Шопенгауэръ, Гартманъ..., Кирхманъ и мн. друг., но нынѣ преимущественно Спенсеръ и проч. представители эволюціонной школы, наслѣдницы утилитаризма, — Нитцше со Штирнером..., Л. Толстой, В. Соловьевъ и многое множество иныхъ. Мы, разумѣется, перечислили лишь самую небольшую долю, лишь наиболѣе чѣмъ-либо выдававшихся или теперь выдающихся моралистовъ, рѣшавшихъ прежде или нынѣ рѣшающихъ вопросъ: какъ намъ жить? Полное перечисленіе ихъ и немислимо, и не необходимо, и можетъ быть въ томъ или иномъ видѣ отыскано въ такъ называемыхъ «исторіяхъ этики» (у Luthardt'a, Gass'a, Ziegler'a, Iodl'я, Sidgwick'a, Фулье, о. А. П. Мальцева и т. под.) — полныхъ или захватывающихъ тѣ или другія части цѣлаго ¹⁾. Но уже и предложенный нами краткій перечень именъ и направленій весьма краснорѣчиво

¹⁾ По поводу «современныхъ системъ» нравственности не можемъ не обратить вниманія читателя на вообще интересную книжку французскаго мыслителя Ф. Тома: «Нравственность и воспитаніе» (русск. изд. Спб. 1900 г.) (къ этой книжкѣ мы надѣемся вернуться въ одной изъ дальнѣйшихъ нашихъ статей).

собою свидѣтельствуешь о томъ, сколь сильно заявляла и заявляетъ о себѣ потребность въ рѣшеніи данного насущнѣйшаго вопроса: какъ намъ жить? Вообще нужно сказать, что исторія послѣдняго вопроса, но нашему, да и чьему-удобно, убѣжденію, наиболѣе полна именами, чѣмъ всякая другая, потому что это—вопросъ, самый близкій человѣческому сердцу, наиболѣе настойчивый и, если можно такъ выразиться, наиболѣе неотвязчивый: хотите—не хотите, а давайте какое-либо его рѣшеніе ¹⁾, а кто вздумалъ бы уклониться отъ этого, тотъ, повторяемъ сказанное нами рѣньше, ничѣмъ не отличался бы отъ животнаго, былъ бы даже хуже послѣдняго. Впрочемъ, и такіе люди-животныя, по крайней мѣрѣ, самую жизнь свою, самымъ своимъ поступаніемъ все же даютъ какой-либо отвѣтъ на данный вопросъ...

Но вся многовѣковая, извѣстная намъ, исторія рѣшенія насущнаго вопроса полна разногласій и всякаго рода противорѣчій. Одинъ рѣшаетъ вопросъ такъ, другой иначе, третій еще своеобразнѣе и т. д. Одна философская школа противорѣчитъ другой, эта—третьей, съ которою, въ свою очередь, несогласна четвертая и т. под. Нѣкоторые изслѣдователи (напр., Росмини) *«иссчитываютъ болѣе сорока различныхъ системъ нравственности»* ²⁾, о которыхъ знаетъ исторія. Это ли не характерное явленіе? Это ли не краснорѣчивый признакъ? Одни совѣтуютъ жить, слѣдуя «волѣ монарха», съ нею сообразуясь и ею только руководствуясь, другіе совѣтуютъ сообразоваться съ указаніями жрецовъ, иные—слѣдовать «голосу природы» (хотя здѣсь возникаетъ вопросъ: какъ можно правильно уразумѣть этотъ «голосъ» и что разумѣть подъ самою «природою»?..), иные—«внушеніямъ нравственнаго чувства» (опять спрашивается: какъ понимать по-

¹⁾ Вотъ здѣсь-то и лежитъ причина того явленія, на которое въ той или иной степени жалуется нашъ извѣстный русскій мыслитель г. В. Розановъ, когда говорить, что «направленіе философіи въ Россіи за послѣдніе годы стало нѣсколько одностороннее, именно—оно почти все вращается въ области нравственныхъ или въ области нравственно-религіозныхъ вопросовъ»... („Новое Время“ 1 Марта 1900 г., № 8624, стр. 11). Потому, скажемъ, направленіе и стало такимъ, что именно въ послѣднее время особенно пробудилось сознание русскаго человѣка, который естественно и взялся прежде всего за рѣшеніе насущнѣйшихъ вопросовъ, каковы именно и суть указываемые г. Розановымъ.

²⁾ См. у о. А. П. Мальцева въ его книгѣ: „Нравственная философія утилитаризма“ (СПБ. 1879 г., стр. 5, примѣч. 1).

слѣднее, въ отношеніи къ его исторіи и сущности, чтобъ это пониманіе соотвѣтствовало дѣйствительности?), иные—сообразоваться съ особенностями «всеобщаго мірового порядка» (опять предварительнѣе нужно узнать его); по мнѣнію иныхъ, масштабомъ для опредѣленія качества нашей жизни, наиболѣе желательнаго и нормальнаго, должна служить такъ называемая «гармонія вещей» (но что должно подъ нею разумѣть — это еще вопросъ); иные, далѣе, рекомендуютъ устраивать нашу жизнь по руководству чувствъ «благожелательности», «симпатіи»..., иные—по влеченію нашихъ эгоистическихъ лишь склонностей; иные требуютъ жизни, преслѣдующей не только «личное», но съ тѣмъ вмѣстѣ и «общественное благо»; иные совѣтуютъ руководствоваться требованіями «эстетическаго чувства» (насколько шатка и двусмысленна здѣсь почва, объ этомъ свидѣлствуетъ хотя бы примѣръ греческихъ моралистовъ); по мнѣнію иныхъ, содержаніе «нравственнаго закона», согласно съ которымъ человѣку надлежитъ направлять свою жизнь, уже изначала дано въ нашемъ «сознаніи» и проч. и проч. ¹⁾ До чего въ концѣ концовъ, на пути къ отысканію нормъ нравственной жизни, дошелъ естественный, себѣ только предоставленный, умъ, наглядно показываетъ модное нынѣ ученіе Нитцше: человѣкъ, по нему, только тогда живетъ нормально, когда слѣдуетъ принципу «борьбы за существованіе, за власть и силу...», повинаясь только влеченію своихъ животныхъ инстинктовъ, слѣдовательно, отдавая себя на волю своихъ страстей, предаваясь всякаго рода удовольствіямъ»,—когда «въ отношеніи къ ближнимъ становится злѣе, любить лишь самого себя, не щадить» никого, «жестокъ и беспощаденъ ко всѣмъ»... ²⁾ Едва ли можно договориться дальше этихъ «геркулесовыхъ столбовъ»! «Пока у одушевленныхъ существъ не появилось глазъ», — говоритъ извѣстнѣйшій французскій моралистъ Гюйо, — «надъ всѣмъ физическимъ міромъ висѣла ночь, — такая же темная и мрачная, какъ и нависшая теперь надъ нашимъ мораль-

¹⁾ Ibid., стр. 5. Чит. также у Kirchner'a въ его „Ethik“ (Leipzig. 1881, S. 90 и слѣд. Ср. русскій перев. подъ редакц. Л. Е. Оболенскаго: СПб. 1900 г., стр. 114 и слѣд.) и у мног. друг.

²⁾ См. нашу статью (рече): „Христіанская любовь, какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній“ („Хр. Чт.“ 1899 г., Мартъ, стр. 17—18). Чит. также брошюрку Тюрка: «Философія эгоизма. Нитцше, Ибсенъ, Штирнеръ и Штриндбергъ» (русск. изд. Спб. 1898 г.).

нымъ міромъ» вслѣдствіе, т. е., распространенія идей дарвиново-спенсеровскаго (и К⁰) эволюціонизма... ¹⁾ Да, — предъ человѣкомъ, рѣшающимъ или, по крайней мѣрѣ, пытающимся рѣшить вопросъ: «какъ жить?» и съ этою цѣлію заглядывающимъ въ исторію развитія человѣческаго сознанія, въ исторію развитія и установки нравственныхъ идеаловъ, проходитъ многое множество отвѣтовъ на мучащую его загадку, но ни одинъ изъ нихъ, предлагаемыхъ естественною только мыслью, не можетъ его удовлетворить. Почему? Человѣкъ видитъ, что каждое изъ этихъ рѣшеній мучительнаго вопроса или господствуетъ лишь кратковременно, уступая свое мѣсто новымъ, или выходитъ изъ среды лицъ, своею жизнію не оправдывающихъ своихъ теорій, или поражаетъ своею грубою беззащитчивостью, доставляя, вмѣсто успокоенія, измученному уму одно томленіе и смущеніе, или исходитъ изъ явно предубѣжденныхъ противъ истины устъ, или коренится на явно шаткомъ основаніи, или односторонне и проч. и проч. Эта постоянная смѣна одного кратковременнаго отвѣта другимъ, другого — третьимъ... слишкомъ подозрительна уже сама по себѣ. Уже она одна говоритъ, что напрасно здѣсь искать истины. Истины нѣтъ тамъ, гдѣ царятъ постоянно измѣнчивыя, противорѣчивыя, необоснованныя, узко-одностороннія, близорукія, партійныя... рѣшенія вопроса. Истина можетъ быть только тамъ, гдѣ царитъ постоянство, неизблемость, гдѣ нѣтъ противорѣчій, гдѣ—внутренняя гармонія, отсутствіе тенденціозности..., гдѣ духъ получаетъ полнѣйшее и непритворное удовлетвореніе въ отношеніи ко всѣмъ своимъ запросамъ... Желательнаго отвѣта естественный умъ, словомъ, не даетъ, а между тѣмъ безъ этого отвѣта намъ жизнь не въ жизнь. Отвѣтъ намъ безконечно нуженъ, потому что при немъ только наша жизнь и можетъ получить смыслъ и не будетъ жизнію животною... И такъ, приходится волей — неволей сознаться въ бессилии человѣческаго ума дать успокоеніе нашему духу.

Обращеніе къ естественнымъ религіямъ имѣетъ такой же точно характеръ и такое же значеніе, потому что всѣ эти религіи—произведенія только одного человѣческаго ума (если же въ нихъ иногда и сохранилась искорка божественная — остатокъ первобытной откровенной религіи, то она подѣ

¹⁾ М. Гюйо: „Избранныя мысли, извлеченныя изъ полного собранія его сочиненій Альфредомъ Фуллѣ“. Русск. изд. СПб. 1897 г., стр. 61.

различными наслоеніями является совѣтъ малоцѣнной, а инотда и того меньше). Отсюда и въ нихъ видимъ тоже, что видѣли и въ попыткахъ философствующихъ умовъ рѣшить данный же вопросъ: тоже противорѣчіе въ освѣщеніи дѣла однѣми изъ нихъ, т. е., естественныхъ религій, и другими [если китайцы проповѣдуютъ, что надлежитъ жить, руководствуясь принципами «матеріалистическаго утилитаризма» ¹⁾ ²⁾]; то буддисты видятъ единственно-нормальный образъ жизни только въ «нравственномъ самоубійствѣ и полномъ самоуничтоженіи» — этомъ будто бы «одномъ средствѣ къ спасенію» ³⁾; а представители персидской религіи совѣтуютъ «высоко цѣнить всѣ чувственныя наслажденія жизни», «проводить жизнь весело», направлять свое поведеніе такъ, чтобъ оно всегда имѣло у себя въ виду «болѣе внѣшнюю, общественную, гражданскую жизнь»... ⁴⁾; египтяне же на вопросъ: «какъ жить»? отвѣчаютъ ученіемъ о «непосредственномъ и непредотвратимомъ вліяніи на человѣческія дѣйствія» со стороны «неизмѣнной судьбы и естественной необходимости» ⁵⁾, при наличности чего человѣку собственно нѣтъ нужды уже и задаваться тѣмъ вопросомъ (о томъ, насколько здѣсь непослѣдовательны египтяне, мы уже не говоримъ, и этой стороны дѣла здѣсь не ракрываемъ); грекъ совѣтуетъ жить, «слѣдуя собственной, самой въ себѣ гармоничной природѣ» ⁶⁾, соблюдая во всемъ строгую мѣру, удовлетворяя требованіямъ эстетическаго чувства и проч. ⁷⁾]; та же недостаточность ихъ для внутренняго успокоенія духа (только люди ненормальные, конечно, могутъ находить какое бы то ни было удовлетвореніе для себя въ принципахъ въ родѣ буддійскаго, въ слѣдованіи

¹⁾ См. „Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству“ Еп. Хрисанова (т. I, СПб. 1873, стр. 88).

²⁾ Слѣдуетъ быть китайцу лишь „сухимъ практикомъ, чуждымъ идеальныхъ стремленій“ (ibid., стр. 157), а равно и „сознанія нравственнаго зла“ (ib., стр. 639)...

³⁾ Ibid., стр. 486. Ср. стр. 639.

⁴⁾ Ibid., стр. 603—604.

⁵⁾ См. „Исторію нравственности и нравственныхъ ученій“ проф. М. А. Олесницкаго (ч. 2; Кіевъ, 1886 г., стр. 199).

⁶⁾ Wuttke: „Handbuch der christlichen Sittenlehre“ (Zweite Aufl. Erster Bd. Berlin. 1864. S. 43).

⁷⁾ О другихъ „языческихъ народахъ“ см., напр., у Wuttke: ibid. „Einleitung“. У проф. М. А. Олесницкаго: ibid., ч. I; Кіевъ, 1882 г.). См. и у друг.

этимъ и проведеніи ихъ въ своей жизни); та же по существу (хотя сравнительно и меньшая) ихъ кратковременность, скоротечность ихъ значенія для сознанія тѣхъ или другихъ народовъ и проч. Кромѣ того, эти религіи, какъ историческія явленія, или уже отошли въ область преданій, или влачатъ жалкое, если можно такъ сказать, существованіе, за исключеніемъ весьма немногихъ, ждущихъ въ будущемъ (и, быть можетъ, недалекомъ) подобной-же участи, что постоянно и оправдывается дѣйствительностью. Гдѣ ужъ искать истины и *здѣсь*? Ея, очевидно, тутъ нѣтъ: она, повторяемъ, тамъ, гдѣ на-лицо постоянство, непререкаемость, неизблемость, самодовлѣмость... Если же и въ наши дни нѣкоторые лица не прочь искать отвѣта на вопросъ: «какъ жить»? у буддизма¹⁾, то это явленіе—безусловно удивительное и объясняется, конечно, ненормальностью внутренняго состоянія такихъ людей, тѣмъ ужаснымъ пессимизмомъ, какой нынѣ овладѣлъ изжившеюся, извѣрившеюся, внутренне износившеюся частью общества, — иногда, впрочемъ. находить свою разгадку въ модности подобнаго отношенія къ данному восточному міровоззрѣнію, а чаще всего просто въ невѣжествѣ буддофиловъ нашего времени, не знающихъ ни христіанства, ни буддизма и мечущихся безъ толку изъ одной стороны въ другую...²⁾ Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ удовлетворить ищущую отвѣта на указанный вопросъ душу ученіе, гласящее:

¹⁾ См. объ этомъ, напр., статью Н. И. Писарева: „Христіанство и буддизмъ на западѣ“ („Христ. Чт.“ 1898 г., Іюль).

²⁾ Это невѣжество—ужасное зло. Оно и понятно, когда въ нашихъ свѣтскихъ школахъ въ теченіи „шести дней“ знакомятъ учащихся съ похощеніями Зевса, да Гермеса, Афродиты, да Посейдона..., да рѣшаютъ вопросы: кто былъ злѣе—Псамметихъ или Псамменитъ и проч. (слова одного русскаго журналиста)... и лишь въ седьмой день ученики слушаютъ другое (чит., напр., „Религію любви и эгоизмъ“ проф. А. А. Соколова. Москва. 1891 г., стр. I, 13...)..., если, конечно, не преувеличивать значенія двухъ недѣльных уроковъ по Закону Божію, какъ не достигающихъ какой-либо особенной цѣли (о чемъ чит., напр., въ „Церковн. Вѣстникѣ“: 1900 г., № 9 отъ 2-го марта краснорѣчивую статью прот. О. Лашенкова). Получается въ результатѣ нѣчто курьезнѣйшее, еслибъ только это скорѣе не было трагичнѣйшимъ явленіемъ: бесѣдуя съ однимъ изъ столичныхъ интеллигентовъ, я услышалъ изъ его устъ похвалу одному нашему пресловутому моралисту за то, что онъ-де первый выступилъ съ проповѣдью о любви къ ближнему. Когда же я сказалъ, что эта любовь—сущность всей христіанской проповѣди

«все есть страданіе..., рожденіе есть страданіе, старость, болѣзнь, смерть—страданіе..., все бытіе... во всей своей природѣ полно страданія...; самая возвышенная истина о прекращеніи страданія—это полное уничтоженіе желанія жизни, стремленія къ бытію»?! ¹⁾).

Словомъ, вопросъ—«какъ жить? требуетъ у человѣка неотложнаго рѣшенія, безъ котораго, повторяемъ, жизнь не имѣетъ никакого смысла, а между тѣмъ *такого рѣшенія*, удовлетворяющаго истиннымъ запросамъ души и прочнаго, устойчиваго *естественный умъ не даетъ и дать не можетъ*, хотя бы мы разумѣли и умъ мудрецовъ-философовъ и основателей различныхъ естественныхъ религій.

III. Но *допустимъ*, что какому-либо гениальному человѣку или какой-либо группѣ лицъ... удалось бы отвѣтить на интересующій насъ вопросъ достаточно удовлетворительно, такъ чтобъ никто не имѣлъ для себя основаній не признать такого отвѣта правильнымъ, единственно отвѣчающимъ самой истинѣ ²⁾). Достаточно ли, однако, человѣку знать, какое нравственное поступаніе всего болѣе было бы соотвѣтствующимъ его природѣ, ея особенностямъ, всего болѣе было бы истинно-человѣческимъ, въ отличіе отъ неразумнаго, животнаго, чуждаго истинныхъ свойствъ человѣческаго существа, какъ именно такого? Достаточно ли ему такого знанія, чтобы затѣмъ и поступать соотвѣтственнымъ образомъ? Безусловно нѣтъ.

Необходимы достаточно сильныя *побужденія*, которыя заставляли бы человѣка или склоняли бы его поступать согласно установленному и признанному,—допустимъ,—всѣми идеалу. Даетъ ли такія побужденія, указываетъ ли ихъ естественный умъ? Нѣтъ, онъ безсиленъ и въ настоящемъ случаѣ. Ска-

(Галат. V, 14), онъ былъ несказанно удивленъ и пренаивно сознался въ томъ, что ему собственно не было времени познакомиться съ христіанскимъ ученіемъ: въ школахъ—де насъ не знакомили достаточно, а кромѣ того, все, что механически было выучено, уже и забыто, а теперь—де съ утра до вечера приходится заниматься перепиской бумагъ, да подсчетомъ коровъ и свиней... для статистики... Горько! Въ моихъ словахъ,—увѣряю читателей,—ничто не утрировано.

¹⁾ Ibid. стр. 22—23. Интересно, между прочимъ, прочитать „Путь къ истинѣ. Изреченія буддійской нравственной мудрости“ (русск. изд. Москва. 1898 г.).

²⁾ Подобно тому, какъ довольны своими рѣшеніями вопроса, напр., Спенсеръ, Гефдингъ и др.

жуть (и говорить): умственно развитому человѣку достаточно знать, какое поведеніе было бы единственно нормальнымъ, послѣ чего онъ уже и станетъ поступать согласно со своимъ знаніемъ. Скажутъ (и говорить): для него сильнѣйшимъ побужденіемъ является сознаніе, что всякое иное его поступаніе не будетъ поведеніемъ человѣческимъ, и этого побужденія для него уже вполне достаточно. Конечно, подобные люди найдутся, но много ли ихъ? Едва ли..., да и этимъ лицамъ развѣ не будутъ приходить въ голову мысли въ родѣ слѣдующихъ: почему все-таки надлежитъ имъ поступать указаннымъ образомъ, коль скоро такое поступаніе и тяжело для нихъ, и нерѣдко наносить ущербъ ихъ матеріальному благосостоянію, а иногда бесполезно, кромѣ того, и для окружающихъ, между тѣмъ какъ иного рода поступаніе было бы для поступающихъ пріятно и легко, вело бы ихъ къ внѣшнему благоденствію, къ каковому бы вело, сверхъ того, и его близкихъ и проч.? Ужели только потому, что оно, т. е., перваго рода поступаніе, естественно, согласно съ отличительными свойствами человѣческой природы? Чтò толку въ этой естественности, — быть можетъ, кто-нибудь возразилъ бы, — коль скоро противоестественность пріятнѣе и даже иногда какъ будто полезнѣе? Если скажутъ: противоестественно поступая, человѣкъ нисходитъ на степень животнаго, то имъ послѣдній можетъ возразить: лучше жить животною жизнію, но, по крайней мѣрѣ, пріятною, болѣе легкою..., чѣмъ человѣческою, но тяжелою, скучною, вредною для матеріальнаго благополучія поступающихъ...; а выраженія: «человѣческая жизнь», «животная жизнь» — пустыя-де, хотя, быть можетъ, и красивыя слова — и только... Если скажутъ (и говорить): противоестественная жизнь вредна для здоровья человѣка, какъ стоящая въ разладѣ съ законами его организма, тогда какъ естественная, постоянно имѣющая у себя въ виду эти законы, обуславливаетъ собою долговѣчность жизни, здоровье и пр., то на это опять кто-либо можетъ возразить: пусть такъ..., но зачѣмъ мнѣ долговѣчная жизнь, зачѣмъ мнѣ здоровье, коль скоро это будетъ жизнь, полная скуки, жизнь безъ удовольствій; не лучше ли прожить, хотя и недолго, но пріятно, полною рукою черпая всякаго рода удовольствія и наслажденія?! Одинъ день, пріятно проведенный, — скажутъ, — предпочтительнѣе многихъ лѣтъ, но скучныхъ, однообразныхъ... Всѣ эти и подобныя имъ возраженія придется услышать отъ такихъ лицъ по той простой причинѣ, что они заканчиваютъ

всѣ счеты здѣсь на землѣ, видя въ тѣлесной смерти конецъ всему и къ мысли о существованіи личной загробной жизни относясь не только скептически, но и съ полнымъ невѣріемъ. Что за нужда заботиться не о пріятности жизни, — скажутъ они, — а о какомъ то нравственномъ ея устроеніи, коль скоро за тѣлесною смертью удѣломъ человѣка будетъ одна вѣчная тьма, одинъ неисходный мракъ; жизнь наша скоротечна; умремъ — и все кончено: о какихъ идеалахъ тутъ хлопотать?! Въ частности, почему, — скажутъ они, — мы должны любить своихъ ближнихъ? Потому, что у насъ тождественна природа? Этого слишкомъ мало; дайте намъ побужденія посильнѣе: у собакъ, напр., природа тождественна, но это нисколько не мѣшаетъ имъ грызться изъ-за первой же, брошенной имъ, кости. Почему же не дѣлать того же и людямъ? Укажутъ, быть можетъ, на врожденное человѣку чувство симпатіи, побуждающее-де человѣка невольно къ помощи и любви къ ближнему? Но и такое указаніе одного естественнаго ума слишкомъ неважно, болѣе, чѣмъ малоцѣнно, если принять во вниманіе хотя бы тѣ, напр., попытки, какія дѣлаются англійскою эволюціонною школою для объясненія возникновенія въ людяхъ симпатическихъ чувствъ и вообще альтруистическихъ изъ эгоизма и только изъ него, въ немъ и только въ немъ коренящихся и въ концѣ концовъ къ нему только и сводящихся. Разъ въ основѣ всякихъ человѣческихъ взаимоотношеній, по ученію новѣйшихъ эволюціонистовъ, лежитъ эгоизмъ, то имъ, конечно, и надлежитъ руководствоваться, соотвѣтственно обстоятельствамъ и условіямъ времени и проч., видоизмѣняя его проявленія, иногда даже стѣсняя его, но за тѣмъ лишь, чтобъ *eo ipso* въ будущемъ доставить ему еще большее торжество, и т. д. Разъ симпатія, о которой иные кричатъ, какъ о побужденіи для человѣка помогать ближнему, содѣйствовать ему, любить его..., нѣчто лишь выросшее изъ эгоизма, такъ сказать, нѣкоторый лишь «наростъ» на немъ, — зачѣмъ придавать ей коренное значеніе, тѣмъ болѣе значеніе — предпочтительное предъ значеніемъ эгоизма? Все это ясно и въ особыхъ истолкованіяхъ не нуждается. Съ точки зрѣнія лицъ, признающихъ только указанія (въ дѣйствительности постоянно ошибающагося и слишкомъ самого по себѣ слабаго) естественнаго ума имѣющими смыслъ и значеніе, не трудно понять кумира извѣстной части нынѣшняго общества (и западно-европейскаго, и нашего), именно Нитцше, пропо-

вѣдующаго, что «самолюбованіе, самовозвеличеніе—вотъ сущность высшей морали, аристократической»... ¹⁾). Далѣе, почему, — скажутъ, — намъ относиться мягко къ неразумнымъ животнымъ? Ихъ неразуміе, — скажутъ, — не служить ли явнымъ признакомъ того, что они — лишь только наши (если выразиться языкомъ одного всѣмъ извѣстнаго древняго грека) «одушевленные», т. е., живыя, «орудія»? Чѣмъ больше пользы для себя мы извлечемъ изъ нихъ, тѣмъ, конечно, лучше. Ничѣмъ нельзя побудить человѣка, не стоящаго выше матеріалистической точки зрѣнія, на мягкое и кроткое отношеніе къ неразумнымъ животнымъ. Конечно, и среди подобнаго рода людей многіе фактически мягко относятся къ послѣднимъ, но почему? Всего больше потому, что животныя представляются имъ «существенно равными людямъ братьями» ²⁾). Слѣдовательно, здѣсь встрѣчаемся съ тѣми же вообще побужденіями, какими опредѣляется и взаимоотношеніе людей; но, если эти послѣднія, какъ мы видѣли, сами по себѣ далеко не самодовлѣющи, то тѣмъ болѣе (во всякомъ случаѣ не менѣе) не самодовлѣющими являются и первыя, т. е., побужденія, склоняющія человѣка къ мягкому отношенію къ неразумнымъ животнымъ. Исключенія среди людей, т. е., поскольку имѣтъ въ виду отношенія послѣднихъ къ животнымъ, нами въ расчетъ не принимаются, такъ какъ они въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ объясняются своими особыми причинами. Массы же людей, не признающихъ ничего, кромѣ «естественныхъ» побужденій, ничѣмъ невозможно убѣдить въ необходимости и даже вообще въ разумности какихъ-либо иныхъ, кромѣ окрашенныхъ грубымъ эгоизмомъ, отношеній къ животнымъ. Это, конечно, и понятно уже само собою въ виду тѣхъ соображеній, какія были по мѣстамъ высказаны нами выше, когда пларѣчь объ урегулированіи человѣческихъ взаимоотношеній усиліями одного естественнаго ума... Объ отношеніяхъ человѣка къ Богу матеріалисты и подобные имъ люди, разумѣется, уже не заводятъ и рѣчи... Словомъ, естественный умъ не въ силахъ побудить человѣка сойти съ эгоистической точки зрѣнія, не въ силахъ склонить человѣка жить согласно съ принципами высоконравственной морали; т. е., проводить въ своей

¹⁾ См. нашу цитов. статью о „Христіанской любви“... сран. 18.

²⁾ См. нашу статью: „Отношенія между человѣкомъ и животными“ („Хр. Чт.“ 1895 г. іюль—авг., стрн. 125 и друг.).

жизнедѣтельности начало любви, благорасположенности къ окружающей средѣ... Напротивъ, «*bellum omnium contra omnes*» (Гоббесъ), съ точки зрѣнія матеріализма..., является безспорно понятнымъ и не возбуждающимъ серьезныхъ пререканій самообнаруженіемъ живыхъ существъ. Многіе даже изъ мыслителей атеистическаго направленія (напр., Вольтеръ), разсмотрѣвъ вопросъ о побужденіяхъ къ нравственно-доброй жизни, какія только можетъ предлагать одинъ «естественный» умъ, пришли къ выводамъ крайне для нихъ неутѣшительнымъ, нашли, что всѣ эти побужденія, какъ бы ихъ ни разсматривать, не могутъ достигнуть своихъ цѣлей, недостаточны и слабы и что только религіозныя побужденія могутъ сопровождаться болѣе желанными результатами, что къ этимъ побужденіямъ въ концѣ концовъ и надлежитъ обращаться. Кантова же, напр., проповѣдь объ осуществленіи требованій нравственнаго закона только изъ уваженія къ этому послѣднему, помимо всякихъ другихъ стороннихъ соображеній и расчетовъ, — никогда не удовлетворить не только массу, но и лицъ наиболѣе нравственно и умственно развитыхъ, что-бы тамъ ни говорили противъ этого нашего положенія и какъ бы ни восхваляли подобное, дѣйствительно само по себѣ желаннѣйшее, отношеніе къ закону. Человѣку, пока онъ — *человѣкъ* съ его отличительными свойствами, желаніями, чувствами..., всегда желательны побужденія болѣе привлекательныя, болѣе пріятныя, болѣе общія, — опять что-бы и кто бы ни возражалъ противъ этой мысли...

И дѣйствительно, искони люди обращались и обращаются за побужденіями (къ исполненію требованій нравственнаго закона) къ *религіознымъ указаніямъ*. Это мы видимъ всюду: и у китайцевъ, и у буддистовъ, и у египтянъ, и у персовъ, и у грековъ съ римлянами, и у другихъ древнихъ народовъ. Это же мы видимъ и у народовъ дальнѣйшаго времени. Какихъ только побужденій не указывали различныя религіи! Обыкновеннымъ побужденіемъ было указаніе на ожидающее человѣка за гробомъ возмездіе [здѣсь особенно интересно общее многимъ древнимъ религіямъ ученіе о такъ называемыхъ душепереселеніяхъ ¹⁾]; но, сверхъ того, указывались

¹⁾ Чит. объ этомъ интересную книгу П. Милославскаго: „Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства“ (Казань. 1873 г.). Чит. также 4-ю

тамъ и сямъ и другія побужденія, напр., у буддистовъ указывалось какъ на «главнѣйшее» (на ряду со «страхомъ ожидающихъ человѣка перевоплощеній») «побужденіе къ добродѣтельной жизни», на «сознаніе бѣдствій и несчастій жизни» ¹⁾ и проч. Но всѣ побужденія къ нравственно-доброй (какъ бы она ни понималась, это здѣсь не имѣетъ значенія) жизни, предлагавшіяся и предлагаемыя различными естественными религіями, не могли достигать своей цѣли, поскольку имѣть въ виду людей, сознательно разбиравшихся въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Какъ могли дѣйствовать какія-либо побужденія къ указаннаго рода жизни, напр., вдумывавшагося въ дѣло китайца, котораго религія учила, что «жизнь подчинена неизмѣнному закону необходимости и опредѣляется самимъ небомъ»? ²⁾ Если «персъ переноситъ нравственную вину на божество» ³⁾, если тоже дѣлаютъ и древніе египтяне и др. ⁴⁾, то какое значеніе остается на долю всякаго рода религіозныхъ побужденій, заставлявшихъ представителей этихъ и др. національностей вести нравственно-добрую жизнь, — понятно само собою. Предлагать побужденія къ извѣстнаго рода дѣятельности человѣку, не сознающему себя нравственно-свободнымъ, человѣку *не по своей* «винѣ» дѣлающему добро и совершающему проступки, едва ли цѣлесообразно!... А между тѣмъ, вопросъ о нравственной свободѣ, — винѣ христіанства, независимо отъ вліянія послѣдняго, — нигдѣ не былъ выясненъ въ должномъ свѣтѣ (не составляютъ здѣсь исключенія даже и Аристотель съ Эпикуромъ ⁵⁾, которые въ данномъ случаѣ опередили остальныхъ представителей язычества) ⁶⁾. Выводъ отсюда (о побужденіяхъ къ нравственно-до-

главу въ книгѣ: „Эволюціонная этика и психологія животных“ Эванса (СПБ. 1899 г.).

¹⁾ Чит. у проф. А. Θ. Гусева „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству“ (СПБ. 1874 г., стр. 146).

²⁾ См. цитов. сочин. (ч. 2) проф. М. А. Олесницкаго: стр. 55. Чит. также цитов. трудъ еп. Хрисанеа и др.

³⁾ У проф. М. А. Олесницкаго стр. 263.

⁴⁾ Ibid., стр. 201.

⁵⁾ Ср. наше изслѣдованіе: „Аристотель и Θома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности“ (СПБ. 1884 г.). Чит. также сочиненіе Гюйо: „Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями“ (СПБ. 1899 г.).

⁶⁾ Ср. „Православно-христіанское ученіе о нравственности“ о. І. Л. Янышева (литографиров. изданіе 1881 г., стр. 157).

брой жизни, предлагаемыхъ языческими, независимыми отъ христіанства, религіями) ясенъ... Кромѣ того, побужденія, предлагаемыя въ настоящемъ случаѣ естественными религіями, потому малоцѣнны, что эти послѣднія, т. е., религіи, полныя противорѣчій и всякаго рода несообразностей, вымысла и лжи, оказываются не въ силахъ отстоять свой авторитетъ и (не говоримъ уже о религіяхъ, въ настоящее время лишившихся всѣхъ своихъ послѣдователей) постепенно замираютъ, ослабѣваютъ (ср. у насъ по этому поводу нѣсколько выше) и съ внѣшней стороны, и съ внутренней, вытѣсняемыя всеобъемлющимъ христіанствомъ. Въ настоящее время сколько-нибудь серьезными почитателями тѣхъ или иныхъ нехристіанскихъ религій являются лишь невѣжественные, дикіе представители человѣчества, число которыхъ таетъ по мѣрѣ проникновенія въ ихъ среду высокихъ христіанскихъ началъ. Гдѣ ужъ тутъ говорить о какихъ то непреходящихъ, всегда дѣйственныхъ побужденіяхъ?...

Такихъ побужденій, словомъ, не дастъ и не можетъ дать естественный умъ, будетъ ли это умъ философовъ-моралистовъ, или какихъ-либо основателей религій.

IV. *Допустимъ*, однако, и здѣсь, что когда-либо естественному уму удалось бы придумать такого рода побужденія, которыя невольно располагали бы каждаго человѣка слѣдовать велѣніямъ нравственнаго закона. Достаточно ли было бы этого? Нѣтъ. Можно и знать непререкаемыя правила нравственнаго закона, можно въ то же время и всецѣло преклоняться предъ различными побужденіями къ его исполненію ¹⁾, сознать всю ихъ важность и значеніе и, не смотря на все это, можно оказаться неисполнителемъ закона просто по безсилію осуществить его. Многіе лучшіе языческіе умы признавали безсиліе человѣка собственными только средствами, безъ всякой сторонней помощи, осуществлять нравственный идеаль. Противодѣйствія, встрѣчающія на каждомъ шагу всѣ лучшія человѣческія начинанія и стремленія, слишкомъ очевидны и невольно бросаются въ глаза каждому, слишкомъ сильны и непреодолимы часто, чтобъ тѣ умы могли иначе думать. Всѣмъ извѣстны мысли по этому вопросу, напр., язычника

¹⁾ Какъ это и дѣлаютъ (быть можетъ, и искренно) нѣкоторые философы—моралисты по отношенію къ придумываемымъ ими побужденіямъ (одни—къ однимъ, другіе—къ другимъ...).

Овидія, говорившаго, что онъ видитъ—что хорошо и что, слѣдовательно, надлежитъ исполнять каждому въ своей жизни,—видитъ и одобряетъ, однакожъ, фактически слѣдуетъ тому, что худо, что въ нравственномъ отношеніи дурно («*video meliora proboque, deteriora sequor*»). Почему? Да потому, что дурное такъ привлекательно, такъ, повидимому, многообѣщающе, а силы человѣка для противодѣйствованія дурнымъ влеченіямъ такъ слабы, такъ сравнительно ничтожны!... Овидій былъ выразителемъ образа мыслей, конечно, всего невозрожденнаго божественною благодатію человѣчества, способнаго къ самоанализу. Естественныя религіи, проповѣдуя то или другое нравственное ученіе, въ лучшемъ случаѣ лишь указывали только какой-либо живой образецъ для подражанія и ео ipso для облегченія исполненія требованій этого ученія [хотя образцы эти часто были или полумиѳическіе, или вообще сомнительные, иногда даже какъ будто говорившіе своимъ поведеніемъ, чтобъ люди скорѣе всего не подражали имъ; таковъ, напр., Будда, жизнь котораго далеко не безупречна: онъ «щедро вкусилъ наслажденіе жизнью, имѣлъ женщинъ и танцовщицъ..., вѣроломно убѣждалъ отъ своей жены», всегда «оставался аристократомъ», даже тамъ, гдѣ это всего менѣе, повидимому, было уместно, и «умеръ, отравившись свининой»... ¹⁾]; но о какой-либо божественной силѣ, которая сообщалась бы свыше людямъ и преобразовывала бы ихъ внутренній міръ, которая давала бы имъ возможность исполнять нравственный законъ, самимъ истинно усовершенствоваться въ нравственномъ отношеніи, все болѣе и болѣе возрастать, онѣ не знаютъ, да и знать не могутъ, а отсюда запутываются въ неисходныхъ затрудненіяхъ: предписываютъ людямъ извѣстные требованія, сознаютъ, что люди не въ состояніи выполнять этихъ требованій, выдумываютъ ученія о какой то царящей якобы въ мірѣ неотвратимой и неустранимой необходимости, о судьбѣ, властвующей даже надъ самими богами, о человѣческой несвободѣ ²⁾ и проч. и проч. Вотъ и разберитесь съ успѣхомъ во всей подобнаго рода путаницѣ!...

¹⁾ Чит. цитов. статью г. Писаревскаго: стр. 18, 19. Чит. также цит. книгу проф. А. Θ. Гусева о буддизмѣ.

²⁾ Ср. у насъ выше.

Словомъ, естественный умъ сознавалъ безсиліе человѣка выполнить въ желательной степени нравственный законъ, но помочь горю не могъ, ограничиваясь обыкновенно лишь констатированіемъ факта, да высказываніемъ сожалѣній и проч. Мысли Овидія уже были выше намѣчены. А какихъ держался, напр., Платонъ—этотъ корифей античнаго міра, этотъ, какъ его совершенно ложно въ схоластическіе вѣка называли, «praecursor Christi in naturalibus»? Съ его точки зрѣнія, «въ земной жизни добродѣтель не можетъ быть совершенною... Душа... заключена въ тѣло, какъ въ темницу»..., и отсюда «не въ состояніи ни созерцать идей въ полной ясности, ни отобразить ихъ въ своемъ поведеніи въ совершенствѣ»... ¹⁾. Даже Аристотель—отецъ философской этики, какъ науки, построившій свою этическую систему безъ всякихъ религіозныхъ основаній, давшій совѣтъ безрелигіозную этику, не знавшій и не подозрѣвавшій какого-либо домірнаго [«доземнаго», какъ училъ Платонъ ²⁾] паденія души человѣка, считавшій эмпирическаго человѣка вполнѣ нормальнымъ въ отношеніи къ его внутренней, духовной природѣ..., слѣдовательно, повидимому, вполнѣ способнымъ къ полному нравственному самоусовершенствованію,—даже этотъ древнегреческій мудрецъ и философъ все же сознавалъ (потому что нельзя было не сознать), что очень «мало на свѣтѣ добродѣтельныхъ, даже съ его точки зрѣнія, людей, ясно видѣлъ, какъ и для нихъ *непосильна и безплодна* борьба съ окружающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ зломъ, безъ всякаго при томъ луча надежды на какую-либо помощь со внѣ и на окончательное торжество добра» ³⁾. Наконецъ, «ничѣмъ незаглушимое естественное чувство слабости и опытъ жизни заставляли колебаться въ своей вѣрѣ» даже и стойковъ, лишь «издалека созерцать свой идеалъ и преклоняться предъ нимъ въ *горькомъ сознаніи своего безсилія*»... ⁴⁾.

V. Но—довольно! Дальнѣйшія разсужденія уже излишни..., такъ какъ и изъ сказаннаго нами,—думаемъ,—ясно видно, что естественный, себѣ самому только предоставленный, умъ,—

¹⁾ См. цитов. литограф. изданіе о. І. Л. Янышева: стр. 161

²⁾ Ididem.

³⁾ Ibid., стр. 198.—Чит. также *наше* цитов. изслѣдованіе объ „Аристотелѣ“ etc.

⁴⁾ „Мораль стоицизма и христіанское правоученіе“ И. Невзорова (Каз. 1892 г., стр. 71).

кому бы онъ ни принадлежалъ и въ чемъ бы ни проявлялся, — безсиленъ, во первыхъ, дать истинный и удовлетворительный для нашего духа отвѣтъ на вопросъ: «какъ жить»? во вторыхъ, указать побужденія, достаточно сильныя для того, чтобы склонить насъ къ исполненію вѣднѣй нравственнаго закона, и, въ третьихъ, дать нашимъ слабымъ, немощнымъ силамъ какое-либо существенное вспомогательное средство, благодаря которому мы могли бы съ успѣхомъ идти по пути нашего нравственнаго усовершенствованія (о безсиліи естественнаго ума еще въ *друихъ*, помимо трехъ намѣченныхъ, отношенійхъ, какъ сказано выше, уже *нѣтъ надобности* упоминать). А если такъ, то что же оставалось на долю человѣка-язычника, отчетливо сознававшего! ¹⁾ все это? Что, напр., стали бы дѣлать мы, еслибы оказались въ подобномъ положеніи? Несомнѣнно впади бы въ тоску, въ безысходное отчаяніе, видя предъ собою только какую-то безпросвѣтную тьму, или, что еще хуже, отбросили бы прочь всѣ указаннаго рода вопросы и стали бы жить жизнію исключительно животною: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (Исаи XXII, 13. 1 Кор. XV, 32).

VI. Однако, къ счастью, намъ нѣтъ надобности и какихъ-либо основаній впадать въ отчаяніе. Напротивъ, мы находимся въ столь благопріятныхъ условіяхъ, что намъ остается только и только радоваться. Почему? Да потому, что мы — исповѣдники богооткровенной христіанской религіи, которая даетъ намъ все, чего не въ состояніи, какъ мы видѣли, дать человѣку одинъ только естественный умъ. Прежде всего, она даетъ намъ совершеннѣйшій нравственный законъ, выше и лучше котораго мы не можемъ ничего себѣ и представить ²⁾, затѣмъ указываетъ намъ и побужденія къ исполненію этого закона,

¹⁾ Кто не сознавалъ этого и потому былъ доволенъ своимъ положеніемъ [каковъ, напр., былъ хотя бы стоикъ Маркъ Аврелій (чит. его „Къ самому себѣ“; русск. изд. СПб. 1895 г.) и другіе подобные ему стоическіе мудрецы, мечтавшіе даже о „превосходствѣ“ надъ „божествомъ“, какъ о дѣлѣ вполне возможномъ для „мудреца“, какъ такого (см. цитов. соч. И. Невзорова, стр. 65)], тѣхъ въ виду, конечно, не имѣемъ.

²⁾ Характерны слова, напр., *Поля Жане*..., «христіанство есть величайшее нравственное ученіе, которое когда либо появлялось. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, придумать нравственную обязанность, которая не содержалась бы въ евангельскихъ правилахъ, прибавить одно предписаніе къ тѣмъ, которыя содержитъ Евангеліе, словомъ, создать новый нрав-

не признавать всей важности и всего значенія которыхъ мы не въ состояніи, и, наконецъ, сообщаетъ намъ необходимую благодатную помощь для осуществленія нравственнаго долга. Въ частности, *содержаніе* возвѣщаемаго христіанствомъ *нравственнаго закона* выражается коротко слѣдующими словами Господа нашего Иисуса Христа: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всею мыслию твоею. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искреннюю твоею, яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдью весь законъ и пророцы висятъ* (Матѣ. XXII, 37—40. Марк. XII, 30—31). Къ этимъ двумъ заповѣдямъ сводится сумма всѣхъ нравственныхъ обязанностей человѣка-христіанина. Всѣ частнѣйшія обязанности такъ или иначе обусловливаются и намѣчаются тѣми двумя. Разъ настроеніе человѣка къ Богу и ближнимъ будетъ проникнуто духомъ искренней и нелицемѣрной любви, все вообще нравственное поступаніе ео *ipso* будетъ вполне нормально. Его христіанская любовь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подскажетъ ему, какъ поступить, что сказать...—*Побужденія* для христіанина любить Бога слишкомъ сильны и слишкомъ очевидны, чтобъ можно было имъ не слѣдовать. Богъ по Своей безконечной благодати сотворилъ человѣка, надѣлилъ его высокими преимуществами по сравненію со всѣми другими твореніями, ввелъ его въ райское жилище, никогда не переставалъ промышлять о немъ и по его грѣхопаденіи, обѣщалъ ему послать Искупителя, Который въ предопредѣленное отъ вѣка время и пришелъ и искупилъ людей отъ грѣха и его слѣдствій—проклятія и смерти, даровалъ имъ спасеніе, сдѣлалъ ихъ чадами Божиими, для чего пострадалъ и даже вкусилъ позорную смерть на крестѣ... Если Богъ сдѣлалъ для человѣка все это, если Онъ не перестаетъ промыш-

ственный долгъ:—вамъ никогда его не удастся... („Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философіей“ *Поля Жана*, русск. изд. кн. 1; СПб. 1876 г., стрн. 203). Русскій „автономистъ“—проф. *Кавелинъ* пишетъ: „христіанская этика—образецъ совершенства, послѣднее слово этической мудрости...; какъ неприступная скала, стоитъ христіанская, этика непоколебимо...; и къ ней люди, въ концѣ концовъ, возвращаются изъ своихъ душевныхъ скитаній, какъ къ единственному средству утolenія скорби и мукъ истерзанной души“ и проч. и проч. („Задачи этики. Ученіе о нравственности при современныхъ условіяхъ знанія“ *К. Кавелина*; СПб. 1885 г., стрн. 38, чит. и друг. стрнц.). Богословамъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, нечего прибавлять...

сплать о послѣднемъ никогда ни на одно мгновеніе, то чѣмъ же, какъ не самою искреннею любовію, долженъ съ своей стороны отвѣчать Ему человѣкъ? Это—ясно. Очевидны для христіанина и побужденія любить своихъ ближнихъ, какъ себя самого. Себя самого каждый любить и безъ всякихъ заповѣдей и узаконеній. Христіанинъ, въ частности, любить въ себѣ только хорошее, только то именно, что говоритъ о немъ, какъ объ «образѣ Божіемъ», что напоминаетъ въ немъ объ его Творцѣ и Создателѣ, и заботится о развитіи и усовершенствованіи этихъ именно своихъ сторонъ, враждебно относясь ко всему въ немъ чужаждному, случайно въ него проникнувшему и помрачающему въ немъ Божій образъ, т. е., подавляя свои эгоистическія (въ дурномъ смыслѣ) склонности прежде всего и больше всего. Любя подобнымъ образомъ себя, христіанинъ такъ же любитъ и своихъ ближнихъ, потому что они—такой же точно образъ Божій, какой—и онъ самъ (не любя ихъ, онъ eo ipso проявлялъ-бы нелюбовь къ Богу), потому что, далѣе, они—братья его по плоти, какъ происшедшіе отъ одного общаго съ нимъ родоначальника,— всѣ они вмѣстѣ съ нимъ одинаково подвержены слѣдствіямъ прародительскаго грѣхопаденія, всѣ одинаково искуплены безцѣнною кровію Спасителя, всѣ одинаково сдѣлались чадами Божіими, слѣдовательно, братьями и въ высшемъ, духовномъ смыслѣ... Ужели послѣ всего этого мы можемъ не любить своихъ ближнихъ?! ¹⁾ Нормально устроявая свою жизнь по указаннымъ побужденіямъ и согласно съ требованіями нравственнаго закона, христіанинъ не относится безразлично и къ неразумному міру, но съ необходимою мягкостью и участіемъ. Побужденіемъ для него въ этомъ случаѣ служить примѣръ

¹⁾ Опускаемые нами здѣсь различныя подробности по указаннымъ вопросамъ см. въ другихъ нашихъ статьяхъ, каковы: а) „Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человѣка къ Богу“ („Христ. Чт.“ 1898 г. декабрь); б) „Сущность христіанскаго пониманія молитвы и обѣтовъ“ (ibid. 1899 г., январь); в) „Христіанское самолюбіе“ (ibid. 1897 г., августъ и сентябрь); г) „Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ“ (ibid. 1897 г., ноябрь); д) „Христіанская любовь, какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній“ (ibid. 1899 г., мартъ); е) „Къ вопросу о нормальныхъ условіяхъ жизни христіанской семьи“ (ibid. 1898 г., апрѣль); ж) „Къ вопросу о дуэли“ (ibid. 1897 г., декабрь); з) „Наши отношенія къ умершимъ“ („Церк. Вѣстн.“ 1896 г., № 14) и *др.* (Хр. Чт. 1899 г. дек.; 1900 г. февр.—март...).

отношеній къ этому міру самого Создателя, Который *праведенъ во всѣхъ путехъ своихъ и преподобенъ* (въ русск. перев. *благъ*) *во всѣхъ дѣлахъ своихъ* (Псал. CXLIV, 17), *благъ всячески*, и *щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его* (—9). Согласно съ этимъ и христіанинъ *милуетъ души скотовъ своихъ* (въ русск. пер.: *печется и о жизни скота своего*) (Притч. Сол. XII, 10). «Разсматриваніе твореній Божіихъ даетъ возможность увидѣть вѣчную силу Бога и Божество (Римл. I, 20). Слѣдовательно, въ этихъ твореніяхъ Богъ извѣстнымъ образомъ заявляетъ о Себѣ, открываетъ Себя, Свою божественную и святую волю, силу и пр. Отсюда происходитъ выводъ по отношенію къ человѣку: въ своемъ поведеніи въ виду остальныхъ твореній Божіихъ онъ не долженъ и не можетъ руководствоваться произволомъ, но обязанъ постоянно имѣть предъ собою тѣ цѣли, съ какими эти творенія созданы Богомъ, и, съ своей стороны, по мѣрѣ возможности содѣйствовать ихъ осуществленію». Кромѣ того, «всѣ животныя и всѣ вообще земныя творенія являются какъ-бы нѣкоторыми средствами, помогающими человѣку идти по его жизненному пути, т. е., по пути къ его нравственному усовершенствованію. А со всякимъ средствомъ должно поступать осторожно, не злоупотребляя имъ». Затѣмъ, «каждое твореніе, а въ томъ числѣ и животныя, можетъ быть разсматриваемо въ извѣстной степени и какъ самоцѣль, какъ нѣчто, имѣющее нѣкоторыя права существовать и само для себя только. Отсюда человѣкъ не всегда имѣетъ право смотрѣть на природу только чрезъ стекло своихъ личныхъ интересовъ». Иначе онъ окажется въ положеніи «злоупотребляющаго данною ему отъ Творца властію», употребляемою имъ «въ разрѣзъ съ божественною волею»... ¹⁾. Не говоримъ уже о томъ, что *суетъ тварь повинуся не волею, но за повинувшюю ю...* (Римл. VIII, 20), что также должно побуждать человѣка относиться къ *твари* съ осторожностью, мягкостью... Ко всему, сказанному выше о побужденіяхъ, заставляющихъ или склоняющихъ человѣка извѣстнымъ образомъ относиться къ Богу, себѣ, ближнимъ и къ неразумному міру, надлежитъ присоединить

¹⁾ См. нашу статью: «Отношенія между человѣкомъ и животными» (Христ. Чт. 1895 г. іюль—авг., стран. 116—117), гдѣ имѣются и другія необходимыя подробности дѣла, въ настоящемъ случаѣ естественно нами опускаемыя.

еще то, что, по христіанскому ученію, жизнь человѣка не оканчивается съ его тѣлесною смертію, но имѣетъ продолжаться безконечно, что удѣломъ cadaго будетъ личное безсмертіе, что каждый долженъ будетъ дать отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, мысляхъ, чувствахъ, намѣреніяхъ предъ Вѣчнымъ Судіею, отъ Котораго затѣмъ услышитъ приговоръ, отсылающій или на вѣчное блаженство, или на вѣчныя мученія... (Іоанн. V, 29, 28. Дѣян. XXIV, 15. Апокал. XX, 13. 1 Кор. XV, 35—54. Мат. XXII, 31—32. Марк. XII, 25—27. Лук. XX, 35—38. Іоан. VI, 39—40, 54. Евр. VI, 2. Дѣян. IV, 2. XXIII, 6. XXIV, 21. Римл. VI, 5. 1 Солун. IV, 15—16... Мат. XXV, 31—46. Чит. и *весьма мног. друія* библ. мѣста). Тутъ, такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ новыми побужденіями. Человѣку есть основаніе заботиться здѣсь—на землѣ о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи, такъ какъ за гробомъ будетъ лишь продолженіе настоящей жизни, начиная съ той ея стадіи, на какой эта жизнь остановилась въ моментъ тѣлесной смерти человѣка; слѣдовательно, чѣмъ дальше ушло развитіе нравственной жизни человѣка до гроба, тѣмъ, конечно, лучше, и наоборотъ. Что же касается, въ частности, людей неустойчивыхъ и недостаточно укрѣпившихъ свою волю въ нравственно-добромъ направленіи, слѣдовательно, нуждающихся въ сторонней поддержкѣ въ критическія минуты, то въ отношеніи къ нимъ будущія награды и наказанія имѣютъ извѣстное воспитательное значеніе... ¹⁾—Наконецъ, Господь нашъ далъ намъ и не-

¹⁾ Христіанскому ученію о нравственности,—замѣтимъ мимоходомъ—однако, чуждъ эвдемонистическій моментъ. Дѣло въ томъ, что загробная жизнь—продолженіе настоящей—земной. Если здѣсь мы успѣваемъ такъ настроить свою нравственную свободу, что въ концѣ концовъ измѣненіе направленія ея бываетъ не въ нашихъ славахъ, то почему же такое измѣненіе ея должно произойти за гробомъ? Наша реально-злая свобода, здѣсь достигшая почти до идеально-злой стадіи, будетъ въ такомъ же направленіи развиваться, конечно, и за гробомъ. Тоже надлежитъ сказать и о свободѣ реально-доброй. Въ первомъ случаѣ уже здѣсь на землѣ человѣкъ приготовилъ муки, а во второмъ—радости. За гробомъ и будетъ только дальнѣйшее продолженіе того, что фактически было на лицо уже здѣсь—на землѣ: внутренняя дисгармонія нашихъ силъ, при условіи реально-злой нашей свободы, и гармонія ихъ, при условіи реально—доброй свободы, будутъ только болѣе и болѣе укрѣпляться. Въ этомъ и заключается вся суть дѣла. Такимъ образомъ вопросъ о загробныхъ мученіяхъ и наградахъ рѣшается слѣд-

обходимыя *средства* для выполненія нашихъ нравственныхъ обязанностей. Преподавъ намъ Свое божественное ученіе, Онъ прежде всего Своимъ *примѣромъ* показалъ, какъ надлежитъ осуществлять его въ жизни ¹⁾, въ частности, проявляя «послушаніе» Отцу (Матѣ. XXVI, 42. Іоанн. IV, 34. V, 30. VI, 38. VIII, 29. XIV, 31. XV, 10. XVII, 4. Филипп. II, 8. Евр. V, 8. X, 7), заботясь объ исполненіи назначеннаго Ему Отцомъ «дѣла» (Іоан. IX, 4. Ср. Лук. II, 49), «умалая» Себя, «смираясь»... (Филипп. II, 5—8), «не Себѣ угождая» (Римл. XV, 3), смѣло «свидѣтельствуя доброе исповѣданіе» предъ лицомъ «Понтійскаго Пилата» (1 Тимое. VI, 13), «возлюбивъ насъ и предавъ Себя за насъ» (Ефес. V, 2), «пострадавъ за насъ» (1 Петр. II, 21), «положивъ за насъ душу» (1 Іоан. III, 16)..., словомъ, всѣмъ этимъ какъ-бы говоря намъ, чтобъ и мы въ своей жизнедѣятельности практиковали подобное же, по мѣрѣ нашихъ силъ, поступаніе (1 Іоан. II, 6. Чит. также и выше цитов. мѣста: 1 Тим. VI, 13. 1 Петр. II, 21. Ефес. V, 2. 1 Іоан. III, 16. Филипп. II, 5 и друг.). Но, такъ какъ немощному человѣку недостаточно знать, что дѣлать, недостаточно желать послѣдняго и видѣть, какъ кто-либо другой исполняетъ это, а необходимы силы, устраненіе его немощи и слабости, то Господь, въ довершеніе всего, даровалъ человѣку божественную благодать ²⁾ (Іоан. I, 16. Римл. I, 7. 1 Корѣ. I, 3. 2 Корѣ. I, 2. Ефес. I, 2. 1 Сол. I, 1. 1 Тимое. I, 2), укрѣпляющую его силы, возстановляющую его нравственную свободу, оправдывающую его и освящающую..., коротко сказать: помогающую ему «содѣлать» свое спасеніе; и если, не смотря на все это, человѣкъ-христіанинъ (возрожденный въ св. таинствахъ) не слѣ-

помъ просто: мы сами—непосредственные создатели и тѣхъ, и другихъ. Иной разговоръ былъ-бы, если бы загробныя наказанія и награды были чѣмъ-либо только внѣшнимъ, только извнѣ привходящимъ. Тогда можно было-бы вести рѣчь и объ эвдемонизмѣ. Такъ какъ мы воскреснемъ и тѣлесно, то естественно, что награды и наказанія коснутся и нашихъ тѣлъ... Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мы касаемся даннаго вопроса (объ эвдемонизмѣ) лишь мимоходомъ...

¹⁾ Подробности по этому вопросу см., напр., у досточтимаго о. І. Л. Янышева въ его „Православно-христіанскомъ ученіи о нравственности“ (Москва 1887 г. §§ 49—51, стрн. 215—235).

²⁾ Подробности о ней см. *ibid.* §§ 52—61 (стрн. 235—284), а также въ твореніяхъ еп. Теофана (затворника)...

дуетъ по пути нравственнаго совершенства, не исполняетъ требованій нравственнаго закона, то онъ уже совершенно безотвѣтенъ, такъ какъ ему все было дано, въ чемъ онъ могъ нуждаться, а онъ, между тѣмъ, отнесся къ этому съ пренебреженіемъ (Дѣян. XV, 11. Римл. V, 15, 17, 20. III, 24. 2 Кор. XII, 9. Ефес. I, 6, 7. II, 5, 8. 2 Солун. II, 16. 2 Тимое. I, 9. Тит. II, 11. III, 7. Ср. Евр. XII, 28. Чит и мног. друг. библ. мѣста)...

И такъ, христіанство даетъ намъ все, что нужно для нашего счастья, оно рѣшаетъ всѣ жизненные запросы, вноситъ въ наше существо миръ и спокойствіе,—даетъ, словомъ, то, чего никто и ничто болѣе не въ состояніи дать человѣку. Но человѣческому уму свойственно сомнѣваться въ томъ, чего онъ почему-либо не можетъ опытно провѣрить. Въ отношеніи къ этой области предъ нимъ должны быть на-лицо признаки, по которымъ онъ могъ бы удостовѣриться въ истинности ускользающаго отъ его опытной провѣрки. Иначе онъ не согласится слѣдовать по сомнительному для него пути. Вѣдь и основатели другихъ религій выдавали свое ученіе за истину, но не смогли доказать этого. Откуда ихъ зданія, какъ построенныя на пескѣ, подъ вліяніемъ бурь и дождей или уже рассыпались окончательно, или постепенно, но безусловно неуклонно разсыпаются (ср. Мате. VII, 24—27). И христіанство, въ свою очередь,—разъ оно претендуетъ быть (единственно, при томъ) истинною религіею,—должно было дать скептическому человѣческому уму ясныя доказательства своей истинности, божественности. Иначе, при всей кажущейся высотѣ его нравственнаго ученія, оно въ сознаніи людей не поднялось бы выше *естественной* нравоучительной системы, а рѣчь о благодати, какъ божественной силѣ, производящей внутренній переворотъ въ человѣческомъ „, укрѣпляющей его и проч., была бы пустымъ звукомъ—не больше; такое же значеніе имѣло бы и христіанское ученіе о будущей загробной жизни, о воскресеніи, о личномъ безсмертіи, о всеобщемъ судѣ, о вѣчныхъ наградахъ и вѣчныхъ мученіяхъ... Развѣ не проповѣдывали аналогичныхъ въ нѣкоторомъ смыслѣ ученій древнія языческія религіи, напр., египетская..., и развѣ есть какія-либо основанія вѣрить этимъ проповѣдямъ, висѣвшимъ на воздухѣ, не опиравшимся ни на какой, сколько-нибудь, устойчивый фундаментъ? Христіанство и даетъ желательное успокоеніе нашему уму; оно указываетъ намъ самый надежный

фундаментъ, строя на которомъ свое духовное зданіе, мы ничѣмъ не рискуемъ, а вмѣсто того проникаемся твердою, непоколебимою увѣренностью въ безусловной прочности постройки. Что же именно даетъ намъ христіанство? Господь нашъ Іисусъ Христосъ, проповѣдую Свое ученіе, Самъ же первый и исполнялъ возвѣщаемыя Имъ нравственныя заповѣди. Это, какъ было выше сказано, значитъ много («*verba docent, exempla trahunt*»), но не все. Человѣку желательно видѣть въ Основателѣ неизблемой религіи большее. Господь, далѣе, удостовѣрялъ Своихъ слушателей въ истинности Своего ученія тѣми многочисленными чудесами, какія Онъ постоянно совершалъ, исцѣляя больныхъ, воскрешая мертвыхъ, изгоняя демоновъ, укрощая видимую природу и проч. (Матѣ. IX, 27... XX, 30... VIII, 2... XII, 10... Марк. VIII, 22... X, 46... I, 30—31... V, 25... III, 1... II, 3... VII, 32... Лук. XVIII, 35... IV, 38—39, 18... VIII, 43... V, 12—13... XVII, 12... VI, 6... Іоанн. IX, 1... IV, 46... V, 5...—Матѣ. IX, 18... Марк. V, 22... Лук. VIII, 41... VII, 12... Іоанн. XI, 11... Матѣ. XV, 22... XVII, 14... IX, 32—33... XII, 22... VIII, 28... Марк. VII, 25... IX, 17... I, 23... V, 2... Лук. XIII, 11... IX, 38... XI, 14... IV, 33... VIII, 27...—Матѣ. XIV, 32—33, 28..., 15... XV, 32... VIII, 24... Мрк. VI, 51... VIII, 19, 1... IV, 36... Лук. IX, 12... V, 4... VIII, 22... VII, 21—22... IV, 30... XXIV, 51. Іоан. VI, 18, 21, 5... II, 6... XXI, 6... VIII, 59... XX, 19, 26 и весьма мног. друг. мѣста). Это уже значитъ больше, чѣмъ одинъ только примѣръ исполненія заповѣдей, но опять не все: вѣдь и различные языческіе религіозные учителя увѣряли своихъ слушателей, что могутъ совершать разнообразныя чудеса и, дѣйствительно, путемъ обмана и пр. нерѣдко убѣждали окружающихъ въ истинности своихъ (*quasi*—) чудесъ, въ томъ, что имъ—учителямъ—якобы дѣйствительно присущъ даръ чудотворенія. Наконецъ, Спаситель нашъ, за наши грѣхи пострадавшій и вкусившій крестную смерть, въ третій день воскресаетъ изъ мертвыхъ (Лук. XXIV, 6—7. Матѣ. XVI, 21. XVII, 23. XX, 19. XXVIII, 6. Марк. IX, 31. XVI, 6. Дѣян. X, 40. 1 Корѣ. XV, 4...), воскресаетъ собственною Своею силою (Іоанн. II, 19. X, 18). Это уже значитъ «все». Если Господь, добровольно вкусившій смерть, Самъ—Своею силою воскресъ изъ мертвыхъ, то ясно, что Онъ не чело-вѣкъ, а Богъ, такъ какъ только Богъ одинъ можетъ обладать

такимъ могуществомъ и никто другой, кромѣ Него; а если такъ, то ясно также и все другое, о чемъ выше нами говорилось, т. е., что ученіе Господне истинно, что Самъ воскресшій тѣмъ болѣе можетъ воскресить и насъ и т. д. Коротко сказать: отнынѣ ясно, что воскресеніе Христово—наиболѣе центральный пунктъ въ исторіи христіанства: *при немъ* всѣ загадки наши разрѣшены, мы бодро и съ радостьюзираемъ на будущее, не боимся смерти...; *безъ него* — предъ нами — беспросвѣтная тьма, ничего опредѣленнаго, ничего прочнаго, тѣлесная смерть—вѣчная разлука съ близкими и вѣчное уничтоженіе...; *при немъ* мы вполне увѣрены, что нравственная жизнь наша, согласная съ принципами христіанства, есть единственно-истинная, что она и только она одна приведетъ насъ къ нашей цѣли..., и, въ виду этого, спокойно, съ твердой и ясной надеждой трудимся на пути своего нравственного самоусовершенствованія; *безъ него* устойчивость христіанскихъ нравственныхъ началъ исчезаетъ, во всякомъ случаѣ представляется лишь сомнительною, проблематичною, а съ тѣмъ вмѣстѣ нашу душу все болѣе и болѣе наполняетъ тоска, переходящая въ полное отчаяніе..., такъ какъ исчезаетъ самый смыслъ нашей нравственной жизни и пр. Вполнѣ понятно, отсюда, почему св. Ап. Павелъ придаетъ такое значеніе Христову воскресенію. *Преданный за грѣхи наши, Господь, — говоритъ св. апостоль, — и воскресъ для оправданія нашего (Иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше)* (Римл. IV, 25). *Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша (Аще Христосъ не воста, тщетна проповѣданіе наше, тщетна же и вѣра ваша)* (1 Кор. XV, 14). *Если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна: вы еще во грѣсахъ вашихъ (Аще Христосъ не воста, суетна вѣра ваша, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ)* (—17).

Поколебленъ фактъ Христова воскресенія,—съ тѣмъ вмѣстѣ рушится и все зданіе христіанства; и наоборотъ: незыблема истина того воскресенія,—съ тѣмъ вмѣстѣ столь же незыблемо и христіанское зданіе. Повторяемъ и не перестанемъ повторять, что все это ясно и безусловно понятно... Ужели послѣ всего этого намъ не радоваться при мысли объ истинѣ Христова воскресенія? Ужели не торжествовать, не ликовать, не пѣть? Ужели праздникъ, когда воспоминается пресвѣтлое Христово возстаніе изъ мертвыхъ, не выше всѣхъ другихъ праздни-

ковъ? Мысль о томъ, что непосредственно связано съ воскресеніемъ Спасителя, окрыляетъ насъ, дѣлаетъ насъ безмѣрно счастливыми, заставляетъ забывать о всѣхъ невзгодахъ и печаляхъ житейскихъ...

Да, велико, безмѣрно огромно для нашей нравственной жизни значеніе Христова воскресенія, такъ какъ только последнее и опредѣляетъ собою ея истинное содержаніе и вливаетъ въ нее истинный, единственно устойчивый смыслъ!..

1900 г.
3-го марта.

А. Бронзовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки